

18+

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА БЫДАНОВА

Баюкающая дом

Ольга Быданова
Баюкающая дом

«Издательские решения»

Быданова О. Н.

Баюкающая дом / О. Н. Быданова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689416-7

Знакомство с работами русских мастеров и мастериц словно перенесло меня в родной край. Нахлынули воспоминания беззаботного детства, где я была пятилетней девочкой: рубленые дома, амбары, изгороди, скамейка у крыльца — как это было давно! Мне захотелось вернуть время вспять, окунуться в сельскую жизнь. Так родилась эта книга. В простых деревенских историях звучат забытые слова и образы русских женщин. Они поведают об их жите-бытье, о силе, преданности и нерастраченной любви.

ISBN 978-5-00-689416-7

© Быданова О. Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Баюкающая дом	8
Семья	13
Барышни	18
Мост	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Баюкающая дом

Ольга Николаевна Быданова

Редактор Мария Сергеевна Жданова

Дизайн-верстка Александра Васильевна Антоненко

© Ольга Николаевна Быданова, 2026

ISBN 978-5-0068-9416-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Как-то раз, листая страницы интернета, я наткнулась на работу пинежской мастерицы Алёны Вальковой «Баюкающая дом». Я была очень впечатлена и потрясена этой деревянной скульптурой, которая перенесла меня в родной край. Мне тоже захотелось уберечь, убаюкать свой старый дом, чтобы он постоял как можно дольше. Сразу нахлынули воспоминания беззаботного детства, где я была пятилетней девочкой. Рубленые дома, амбары, изгороди, скамейка у крыльца – как это всё было давно!

На платке этой безликой женщины, «Баюкающей дом», вырезаны забытые деревенские слова, которые сейчас редко применяются в речи. Мне захотелось вернуть время вспять, окунуться в сельскую жизнь. Так получилась первая небольшая история.

После этого меня словно прорвало. Мне хотелось писать и писать, применяя в каждой деревенской истории забытые слова и образы русских женщин. Так получились рассказы: «Большуха» и «Охлупень», написанные по великолепным авторским работам Алёны.

Я восхищаюсь людьми, которые видят в обычном камне, куске глины, в деревянной коряге образы своих будущих скульптур и создают шедевры, которые нас вдохновляют и радуют.

Также я познакомилась с мастером по дереву Владимиром Арсеньевым и его замечательными скульптурами коней, ангелов, спускающихся с небес, и фигурками крестьян. У меня сразу возник образ весёлого мужика Пантюхи, который на страницах этой книги поведает вам об обычных женщинах, об их жите-бытье, о силе, преданности и нерастроченной любви.

Путешествие моё продолжилось, и я познакомилась с очаровательными женщинами и их авторскими работами из ткани. Не всем удаётся творить и созидать своими руками красавиц-кукол. Столько заложено в них тепла, радости, вдохновения, яркости жизни и пристрастия к своему творчеству! Тряпичные куклы сподвигли меня на серию выдуманных историй, весёлых и не очень, но с хорошим концом. Тканевые образы вносят в жизнь уют, материнское тепло и заботу.

Карина Веропотвельян, художница и дизайнер, вдохновила меня написание историй: «Барышни» и «Семья».

Наталья Шохина со своими замечательными бабушками попала в рассказы: «На мосту», «Радиола» и «Ценности бабы Зины».

Очаровали меня ватные фигурки, над которыми поработали Ольга Раздрина и Iren Вуг. Такие сказочные и обворожительные Бабки-Ёжки. Так получились истории про мудрую и весёлую Ягиню.

Народные куклы-обереги Маргариты Керн вдохновили меня написать стихи о бесконечной любви неразлучников.

По образам «живых кукол» художницы Анжелы Бредниковой написано большинство сказочных историй: «Как Варвара за счастьем ходила», «Три девицы», «Если это любовь» и другие.

В этой книге собраны все образы вымышленных героев с их характером и нравом, с их мудростью и жизнестойкостью.

Баюкающая дом

Фото с авторской работой Алёны Вальковой

Люблю осень! И не только за её янтарное убранство, а ещё потому, что именно осенью у меня отпуск.

В очередной раз, когда открылся сезон охоты, мы с приятелем Петром, отправились за своим трофеем в северные края. На этот раз мы попали в небольшую, тихую деревеньку, за которой расстился бескрайний луг и речка.

До охотничьего домика мы добрались уже затемно. Особо не разглядывая его снаружи, Пётр толкнул дверь вовнутрь, и мы оказались в довольно-таки просторной избе. Приятель мой сразу нашёл себе койку на ночлег и бросил на неё свой рюкзак. Я расположился за печкой на диване.

К моему удивлению – что в охотничьем домике стоит диван – добавилось ещё и то, что он был сравнительно чистый. А то, знаете, как бывает: мужики зайдут в избу, кто в какой угол кинет своё уставшее тело, причём не раздеваясь и не разуваясь, и завалятся без задних ног. А если ещё с горячительными напитками, да с табаком – в избе вообще дым коромыслом стоит.

Пётр хорошо ориентировался в незнакомом помещении. Он растопил печь, поставил чайник и достал кое-какое продовольствие. Побрякал алюминиевыми чашками, да ложками, и уселся за стол.

– Садись, давай почаёвничаем – обратился он ко мне. – Поутру Дед Пантюха придёт, он эти места хорошо знает, подскажет нам, что почём. А пока – пить чай и спать!

– А зачем нам какой-то дед, если ты и сам можешь нас вывести туда, куда надо? Туда, где дичь.

Не скажу, что я был заядлым охотником или рыбаком, но именно в это время года я успокаивал нервную систему и расслаблялся на природе, вдали от города. Меня пленила тихая гладь на реке и склонившаяся, пожухлая трава. Конечно, пострелять я тоже любил, но, по сравнению с Петром, я не был фанатом охоты.

Сказать, что ночь прошла быстро, это ничего не сказать. У меня было такое ощущение, что я только закрыл глаза, как тут же закрипела дверь, и вошёл небольшой мужичок.

Мужичок с ноготок – в шапке-ушанке, в засаленной телогрейке и с самокруткой в зубах. Он покряхтел у дверей, подошёл к печке и подкинул дров.

– Что-то зябко у вас, Соколики. Поднимайтесь! Уже петухи пропели, а вы всё дрыхните, так и всех уток проспите.

– Да мы и рябчикам будем рады, – вылезая из-под одеяла, пробурчал Пётр. – Вы и есть Дед Пантюха, проводник наш? – уже бодрым голосом спросил приятель.

– Я самый! Куда сегодня: на луг или на реку пожелаете?

– Да, куда поведёшь. Нам всё равно.

Я в разговор не вмешивался, моё внимание привлекли стены избы, вернее то, из чего они были сделаны. Я поднялся и вышел на улицу. Снаружи охотничий домик больше походил на старую, но ещё добротную избу – даже был охлупень на крыше. Брёвна были толстые

и витые – видимо, из лиственницы. Я когда-то плотничал и поэтому заметил, что торцы брёвен были обрублены. Всего вероятней, из большого дома сделали дом поменьше. А ещё я заметил, что брёвна внутри и снаружи излучали тепло, как будто в них жила чья-то добрая душа, которая согревала всех своей заботой.

– Что, Соколик, застыл? По нраву тебе наши места?

– Да. Здесь необыкновенно тихо, и как-то по-домашнему – уютно, словно в родное гнездо попал, где всегда тебя ждут и рады тебе. И дом какой-то тёплый, родной.

– Родной, говоришь? Значит жива ещё Обережная жонка! До сих пор дома баюкает.

Если честно, я тогда ничего не понял, но переспрашивать постеснялся. А после удачной охоты за чаем дед Пантюха сам завёл разговор про жонку Обережную.

– Вам, наверное, невдомёк, Соколики, кто такая эта жонка? Так вот слушайте, что я сейчас скажу.

А дело было в давние военные годы. Хотя ни один снаряд до нашей деревни не долетел, но дыхание войны мы всё же слышали. Мужики защищали Родину, а бабы с хозяйством и детьми справлялись сами. Чем могли, помогали советской армии. Бывало, сами впрягались вместо лошади и пахали поля – защитникам нужен был хлеб. Да что поля – они пароходы на себе тянули, когда река пересыхала! Сильные были бабы, отважные, да только за своими домами не глядели, да и когда им было глядеть!

Мужики-то, когда дома были, того и гляди, где подколотят, подлатают, заменят. Дерево уход любит. Надо, чтобы дом дышал жизнью счастливых семей, а кроме слёз, потерь и стонов, он в те года ничего и не слышал. Похоронок много приходило – и ревели наши бабоньки, как белуги.

И стали дома без хозяев да от бабьих слёз этих гнить да разваливаться потихоньку. Вот и появилась в этих местах Обережная жонка, или, как ещё её называли, Баюкающая дом.

Говорят, ходила она возле домов по ночам и убаюкивала не только баб с детками, но и сами дома. Тихим, печальным голосом она пела грустные, колыбельные песни. И так бабонькам становилось спокойно на душе: за детей и за своих мужей, ещё не вернувшихся с войны, что и стены домов пропитывались этим спокойствием.

И чаще всего сидела она на лавочках возле домов, куда похоронка приходила. Долго сидела, стены гладила, как младенца ласкала. А бывало, её и на повети видели. Лежит смиренно, глаза в потолок. К ней близко не подходили, увидев, перекрестятся и уйдут восвояси.

Ветхие жилища своим платком прикрывала и нащёптывала слова заговорные и сладостные. Лица её правда никто не видел, платком прикрытая и безлика. Такая она и запомнилась бабонькам.

Выстояли дома, не разрушились, силой и живучестью бабской наполнились. А как стали мужики с войны, в дома возвращаться, так и исчезла Обережная жонка.

Сейчас, сами знаете, беспокойное время – мужчин становится меньше. Если ты почувствовал тепло стен даже снаружи – значит Баюкающая дом вернулась.

Пантюха закричал и закурил очередную самокрутку. В избе воцарилась тишина, и вдруг мы услышали тихий, спокойный голос. Женский голос пел грустную колыбельную песню.

Мне очень хотелось увидеть ту, которая поёт, но глаза стали слипаться, и я провалился в глубокий сон.

И приснилась мне безликая женщина, которая шла по бескрайнему лугу и на жилистых руках несла дом. Она прикрывала дом от непогоды платком. А на платке, словно выбиты имена хозяев домов, что с войны не вернулись. Она шла медленно, останавливаясь и оглядываясь, но я никак не мог её догнать. Какая-то неведомая сила не подпускала меня близко к ней. И вдруг Обережная жонка остановилась и повернулась ко мне,

– Вставай! Тебя ждут! Пора! – Затем опустила дом на землю и протянула мне какой-то небольшой предмет.

– Вставай! Ты что спать приехал? – Пётр тряс меня за плечи, и я проснулся.

Всё на месте: печь, диван, ружья, Пётр.

– А где Дед? – брякнул я, что первое пришло в голову.

– Ещё не пришёл, но думаю уже на подходе. Давай, поднимайся и собирайся. Говорят, дед ждать не любит.

Значит, это был сон! Значит, нет никакой Баюкающей дом. Я тогда даже расстроился.

Но на своей ладони я обнаружил деревянный предмет, похожий на оберег. Из дерева была вырезана безликая женщина с колыбелькой, а в колыбельке лежал дом. Я привязал к оберегу шнурок и повесил его на шею.

На обратном пути мы застряли на краю деревни. Погода стояла пасмурная, дождь шёл уже не один день, и дорога превратилась в кашу. Ожидая помощи, мы зашли в крайний дом. Дом оказался нежилым, без окон. Только наверху, на повети, пахло сухой травой, там лежало сено. Пётр прилёг, а я решил обойти дом, заглянуть в каждый угол и познакомиться с жизнью бывших хозяев.

Кое-какая утварь стояла на покосившихся полках, на одной из лавок лежал обшарпанный, домотканый коврик. Я вышел в сенцы, там в углу стояла метла, вязанная из прутьев. Больше вроде ничего не заметил и стал подниматься по лестнице на повесть. Коснувшись стен, опять почувствовал тепло. Дом дышал, значит, ещё жилой.

Я опять вспомнил Обережную жонку из сна. Может, она здесь?

Внезапно, ступенька подо мной надломилась, и я полетел вниз. Очнулся от доносившегося из глубины дома тихого пения. Чья-то жилистая рука подняла меня на ноги. Я никого не видел, только понял, что зажимаю в своей руке оберег.

С той поры у меня поменялось отношение к русским женщинам. Я понял ценность женской внутренней силы. Она не только «коня на скаку остановит и в горящую избу войдёт», но и своей заботой и любовью ещё не один дом спасёт от разрушения, не одну семью спасёт от мужского безрассудства.

Семья

Фото с авторскими работами Марины Веропотвельян

Пантюха, как обычно, устроился со своим табаком да ложками на задворках. Хотя он мог баять свои истории бесконечно, повторяясь, но на этот раз поджидал, когда соберётся более народу, так как понимал, что память стала подводить.

– Кабыть, я вчерась кисет с махоркой на лавке оставил. Не видала, Глафира?

– Совсем, старый, ополоумел! На кой ляд мне твоя вонючая махорка? Ты что, забыл, как вчерась ты махоркой вместо соли поебуриху¹ солил? Точно, ополоумел! Все истории переврал. Да тебя уже, небось, никто не слушает.

– А вот и неправда, слушают! Ещё как слушают!

Народ подходил. Бабоньки уселись кружком, обсудить, кто у Маньки гостит. Какой такой брат издали приехал и нос на улку не кажет? Мужики подходили к Пантюхе и угощались махоркой, а ребягня разместились на сельской изгороди.

– Дед Пантелей, что ты нам сегодня поведаешь? Или на ложках сыграешь, да частушки споёшь? – поинтересовалась рыжеволосая девчонка.

– Нет, дитятко, петь я не буду, голос уже не тот, на ложках опосля сбрыкаю, а вот историю расскажу.

Давно это было – я ещё пацанёнком на палке вместо лошади скакал. Как-то поселилась на окраине нашего села, в заброшенной избе, молодая семья – Наталка с Иваном. Откуда появились, не ведаю, а вот что с ними случилось, скажу.

Начиналось всё, как обычно бывало в наших краях: Иван пошёл к барину в работники, да и Наталку пристроил помощницей на кухню. Трудились на славу: Иван за лошадьми ходил да в поле работал, а Наталка, акромья кухни, ещё барские покои убирала. Барин был в годах. Если не считать прислугу, то жил одиноко. Барыня у него при родах померла.

Всё было тихо, спокойно, пока не приехала к барину его дочка, в которой он души не чаял. Вот тогда и началось: увидала Марфа Ивана, приглянулся он ей – места себе не находила. Барину всю плешь проела:

– Хочу замуж за Ваньку! Посмотри, батюшка, какой он видный, какой сильный, детей от него здоровых нарожаю. Отдай меня за Ваньку!

– Что ты, Марфушечка! Разве дело у жены мужа отнимать да тебе отдавать? Он ведь не вещь, а человек. У него Наталка на сносях, вот-вот родит. Нельзя дитя без отца оставлять. Грех это!

– Батюшка! Власть ты или не власть? Ты здесь всем правишь. Уважь дочь родную, а то брошусь в бурную речку – от такого греха не отмоешься.

Схватился тогда барин за голову: у кого совета просить, кто поможет? И решил к ведунье обратиться – та мудрая женщина, подскажет, как быть.

---

¹ **Поебуриха** – густая, плотная, ароматная похлёбка, любимое блюдо рыбаков и охотников.

Ведунья выслушала барина и мешочек с сухой травой подала.

– Напои Марфушу отваром да отправь обратно в город – глядишь, и забудется всё.

Поблагодарил барин ведунью и сделал, как было сказано.

Марфуша уехала в город. Наталка родила двойню: сына и дочку.

Дни сменяли ночи, Иван исправно работал на барина, и тот вскоре позволил ему срубить новую избу.

– А что, барин был добрый? – прервала рыжеволосая сказ Пантюхи.

– Да, на удивление всем, барин был настоящим хозяином, справедливым. Людей зазря не обижал, а иногда и поощрял. Детей любил, всегда сладостями угощал. Вот и Ваньке повезло. Когда он перевёз семью в новый дом, барин ему ещё червонцев дал – на обустройство.

Наталка счастливая ходила: дом просторный, светлый, муж золотой – защита и опора для семьи, детки славные и здоровые, да и барин её жалел и не утруждал работой.

Всё бы хорошо, только захворал барин, и травки ведуньи его не спасли – по весне схоронили. И примчалась эта бестия, его дочь. Что тут началось! Всю прислугу разогнала, имущество распродала и дом выставила... на этот... на аукцион.

Ивана к себе вызвала, велела коней запрягать да в город её сопровождать. Делать было нечего, поклонился Иван жене, обнял детей да в путь отправился.

Долго ждала его Наталка, все глаза проглядела, плакала, причитала, у людей расспрашивала о Марфе. Да кто ж её знает: где она, барская дочка, чужого мужа прячет?

Дочка с сыном подросли, помощниками для матери стали, да только не было ей покоя – всё о Ваньке думала. И решила она на поиски мужа отправиться, в город податься. Детей с собой не взяла, на хозяйстве оставила – хоть не богато жили, но козочка имелась.

Я тогда уже женихался, на девок поглядывал, а дочь Наталкина видная девка была. Ну да ладно, не обо мне речь.

Так вот, долго ли коротко ли, шла Наталка да забрела в непроходимые места. Крапива жжёт, шиповник колется, вьюн ноги обвивает, а деревья ветками царапаются. Села она на пенёк и горько заплакала.

Вдруг откуда ни возьмись старичок-боровичок объявился. Наталка сказывала, что старичок тот на меня был похож. Протянул он женщине корзинку, а в ней какое-то тряпье.

– Смастери, милая, куклу да дочери подари. Пусть она её качает да приговаривает:

*Если видишь свет в окне,
Значит, ждут тебя.
Никого роднее нет,*

*Чем твоя семья!
Теплота родных сердец
Сбережёт, любя.
Если ты в беду попал —
Выручит семья.*

– Простите, дедушка, не до кукол мне сейчас! Беда у меня случилась, муж пропал, вот иду его искать. Плохо в доме без хозяина – пусто, да и детям без отца тяжело. Дочке уже пора с ребятами хороводиться, а Вы куклу предлагаете. Разве она будет с ней играть?

– Знаю я, женщина, про твою беду, поэтому и даю тебе эти непростые лоскутки, из которых ты сотворишь чудо. А в город не ходи. Не найдёшь ты там своего мужа, только время потеряешь да покалечишься. Дочке помочь надо – невеста она у тебя. Кукла станет ей оберегом от похотливых разбойников, которые к вам вот-вот нагрянут. Беги, спасай дитя! Только твоё любящее сердце да заветный оберег помогут преодолеть всё. А муж вернётся! Надо верить и ждать.

– Что-то я подустал, надо перекурить, да ноги размять, – Пантюха, кряхтя да покашливая, поднялся с пенька. – Ох, бабы, как же баско² жить! Гляжу на вас и диву даюсь: сколько же в вас силы, прямо энергия разрядом бьёт. Эх, где мои семнадцать лет...

– Пантелей Иванович, а дальше-то, дальше, что было? Спасла Наталка свою дочку от разбойников? – толпа зашумела, каждый приводил свои доводы.

Пантюха и продолжал:

– Помчалась тогда Наталка домой, не замечая ни крапивы, ни шиповника. Ветки деревьев всё тело изранили – явилась домой ни жива ни мертва. Сын с дочкой за столом сидят, разговоры ведут с какими-то людьми. Глянула мать: на лице у дочери – яркий румянец, а у сына – бровь нахмурена. Поняла, что вовремя поспела.

Мудрая Наталка была, гостям поклонилась и с дочкой в сени удалилась. Расспрашивать не стала, куклу смастерила, дочке дала и заветные слова сказала. Сама привела себя в порядок – виду не подала, что встревожена, – и вышла к гостям.

Разбойникам на месте не сиделось, угощения принимали, а сами на девицу поглядывали да усы поглаживали. Собрались было уходить, да товар с собой забрать.

Посмотрела мать на сына и испугалась его взгляда, знала, что это добром не кончится и взяла бразды правления в свои руки:

– Вижу, приглянулась вам моя дочь. Не желаете ли, гости дорогие, послушать, как она поёт?

Вышла красна девица с куклой, и качая её, тихонько запела:

Если видишь свет в окне,

---

² **Баско** – красиво (устаревш. диалектн.)

*Значит, ждут тебя.
Никого роднее нет,
Чем твоя семья.
Теплота родных сердец,
Сбережёт любя.
Если ты в беду попал —
Выручит семья.*

Не успела девица песню допеть, как главарь разбойников схватил и поволок её к двери. Кукла выпала, закружилась волчком, верёвочные косы расплелись и давай бить разбойников, словно плетью.

Вдруг дверь в избу отворилась, и на пороге появился Иван. Он так взглянул – аж глазами сверкнул! – что разбойники и думать забыли: спешно повскакали со своих мест и кинулись к двери. А верёвочные плети выпроводили их за порог, словно обладали какой силой неведомой.

Сила эта – сплочённая семья.

Сколько радости, нежности, любви и понимания было в объятьях супругов! Наталка тогда прижалась к Ивану всем сердцем, всей душой и молвила сладкие слова:

– Ох, Иванушка, не буду расспрашивать тебя ни о чём. Главное – ты здесь, рядом, и спас нас. Не натешилась я с тобой ещё, не натомилась.

Она знала, что больше у неё никто не заберёт мужа. Теперь они вместе навеки.

Опосля у них ещё появились детки. Дом ожил от детского смеха и тепла любящих сердец.

– А дочка, что с ней стало? – не выдержала паузы девчонка с огненными волосами.

– А дочка вышла замуж за моего соседа, до сих пор живут вместе и не нарадуются.

Магическая кукла стала их семейным оберегом. Каждая женщина в их роду получает эту куклу по наследству от матери с заветными словами.

– Это ты про Маньку, что ли, говоришь? Ну, к которой брат приехал?

– Да, она самая. А брат её потом на север подался, военным стал. А теперича решил навестить.

Вот такая поучительная история произошла в наших краях.

Я ведь тоже свою Глафиру Андреевну ни на кого не променяю – куды я без неё? Мы как ниточка с иголочкой: куды потянет Глаша, туды я и пойду. Семья – это святое!

Барышни

Фото с авторскими работами Марины Веропотвельян

Шла масленичная неделя. Знатные хозяйки угощали пирогами и блинами. Каких только начинок не было: блины с грибами, с сёмгой, с капустой, с вареньем, с мёдом – выбирай на любой вкус.

Только Любаша с Дуняшей и Ефросиньей не желали свои нежные, белые ручки в тесто макать, да свои красивые платья мукой да маслом пачкать. Всю неделю они ходили по гостям и снимали пробу теста на пироги, угощались блинами да хвалили начинки. А когда наступило воскресенье и на площади развернулись гулянья в честь Масленицы и проводов зимы, это мероприятие пришлось по душе девицам-красавицам.

Долго они перед зеркалами крутились да наряды примеряли, платья отпаривали, корсеты надевали да затягивали потуже. Наконец, собравшись, отправились на гулянье.

На площади было весело: скоморохи в дудки гудели, на гармонии играл гармонист, румяные девушки с разгорячёнными парнями кадрили выплясывали, бабоньки, что постарше, песнь затягивали.

– Блины! Пироги! Калачи! Пряники! Для детишек петушки на палочке! Чай! Ароматный чай! Подходи! Налетай! – Так кричали с разных сторон, и народ был рад везде попробовать чай со стряпней.

У всех хозяйшек были припасены корзинки, наполнены разной лечебной снадобью. Воздух наполнял аромат чая и душистых трав.

Только наши барышни-красавицы пришли на праздник с пустыми руками. Им очень хотелось себя показать и на других посмотреть. Не зря же они столько времени потратили на сборы!

Вдруг, откуда не возьмись, появилась старушка-веселушка. Пляшет перед ними, бойко чечётку каблучками отбивает.

– Купите, красавицы, зеркальце. Зеркальце волшебное – оно вам всю правду о вашей красоте расскажет да дальнейший путь укажет.

– Зачем нам твоё старое зеркало? Вишь, как оно поцарапано! Небось, и денег за него просишь много? Нам и так всё известно о нашей красоте, – отмахнулись барышни.

– Например, мне каждый день женихи комплименты говорят, восхищаются моим лицом и статью, – похвасталась Любаша.

– Да что там женихи! Моей красоте не только люди, но и звери поклоняются, – добавила Дуняша.

– А про мою красоту, не то, что люди и звери, а ещё и птицы песни слагают, да по миру разносят, – похвалилась Ефросинья.

– Ишь, что придумала! Птицы песни про неё слагают! Это какие такие птицы? Не те ли, что у тебя на блузе в виде броши приколоты? – возмущалась Любаша. – А тебе какие звери поклоняются? Это те, что на платье, и то не тобой вышиты?

– Ты, что! Ты нас унижить хочешь? Тогда покажи всем своих женихов, что комплиментами тебя засыпают? Что-то ни одного рядом не видать!

Что тут началось! Шум, гам, упрёки, придирки... Кричали так, что заглушили всё праздничное веселье.

Тут старушка-веселушка слово своё вставила,

– Вот давайте, красавицы, и спросим у зеркала: кто из вас пригожей и красивей!?

Согласились встревоженные барышни. Очень им хотелось выделиться из толпы, а ещё сильнее хотелось быть краше всех на селе.

Взяла Любаша зеркало в руки, смотрит в него, да отражением любится.

– Посмотрите, какая я молодая, красивая, да румяная! Даже у зеркала речь пропала от моей красоты.

Вдруг зеркало исказилось и показало старую ведьму. Люба испугалась, отпрянула и выбросила его.

– Что ты там увидела? – Дуняша подняла зеркало. Приятное лицо смотрело на неё с улыбкой. – Чего ты испугалась? Своей красоты!? Ха-ха-ха!

Дуня протёрла рукавом блузы зеркало и снова заглянула в него. На неё смотрело безобразное, одутловатое лицо. Дуня плюнула на зеркало и отдала его Ефросинье. Сначала Фрося тоже увидела себя во всей красе, а потом вдруг ужас появился на её лице, руки затряслись, и она лишилась чувств.

Придя в себя, барышни чуть ли не с кулаками набросились на старушку. А та отскочила подальше, крутит зеркалом, а в руки никому не даёт.

– Очерствели, девицы, ваши души да сердца стали каменными. Видимо сама Гордыня завладела вами, раз сумели позабыть про любовь родительскую и тепло их рук. Понесёте в мир добро, и счастье вам улыбнётся.

Что, видать, напугала я вас? Идите, покажу вам другое отражение – и она развернула к ним зеркало.

Барышни ахнули! Такая красота перед ними предстала! Увидели они себя славными и счастливыми.

Любаша держала на руках младенца, а позади стоял богатырь и обнимал её.

Дуняша несла полный подойник молока, а рядом телёнок тыкался ей в руку.

Ефросинья увидела себя за вышивкой белых лебедей. Птицы склонили друг к другу свои головы, наслаждаясь этим моментом.

– Вы увидели два варианта своего будущего, и теперь выбор за вами. Надеюсь, вы заметили, какой силой обладает ваша внутренняя красота? Чистота и лёгкость мысли, кротость и покаяние перед творцом, любовь и забота о ближних делают женщину неслыханной красавицей!

Барышни склонили головы и разошлись по домам. Они поняли, что старушка права.

Какой путь они выбрали, то нам не ведомо. Только с тех пор в селе их не видели. Бабоньки у колодца судачили, что подались они в город, поступать в «Институт благородных девиц».

Жизнь в селе шла своим чередом. А старушка-веселушка, как и прежде, появлялась на праздниках и предлагала своё зеркальце молодым барышням.

Мост

На фото авторская работа Натальи Шохиной

Он увидел её на том же месте, спустя тридцать восемь лет. Только тогда в её руках был букет полевых цветов, а сегодня она опиралась на трость...

* * *

Совершая утреннюю пробежку, он обратил внимание на молодую девушку, которая, как бабочка, порхала по мосту. Полевые цветы в руках придавали её образу ещё больше нежности. Девушка зарылась лицом в букет, вдыхая аромат полей и лугов, а потом подставила лицо утреннему солнцу.

Незнакомка очаровала Бориса, а её лёгкая походка и развивающееся на ветру платье сводили его сума.

Девушка остановилась на середине моста и поглядела вниз. Река, совершая свои повороты, стремилась вдаль. Вода казалась мутной и беспокойной. Небольшая рябь, с каждым порывом ветра переходила в волну.

Борис стоял в стороне и наблюдал за незнакомкой. Прежде, чем осмелиться подойти, он решил отдышаться. Дыхание было частым и прерывистым, понадобилось время, чтобы успокоиться.

Девушка, сплела из цветов венки и бросила в реку. Течение сразу подхватило находку и понесло навстречу судьбе.

Их глаза встретились...

Борис, не отводя взгляда, подошёл поближе и представился. Девушка улыбнулась.

– Я Таня. Очень приятно познакомиться. – Она протянула свою маленькую, изящную ладошку. – Вы каждый день здесь совершаете пробежки или только в хорошую погоду?

Борис засмеялся:

– Стараюсь не пропускать. Всё зависит от того, где я нахожусь. Часто бываю в командировках, тогда мне мост ставит прогулы.

– Мост – прогулы? Вы шутите? Может поясните?

– Всё просто. Каждую пробежку я отмечаю на перилах моста меткой, словно здороваюсь с ним. Вот, посмотрите сюда!

И правда, перила были изрезаны и походили на железную дорогу.

– Какой необычный метод приветствия.

Таня немного покраснела, то ли от смущения, то ли от наступающей жары. От этого она стала ещё краше.

Борис предложил спуститься ближе к воде, там было прохладней. За приятными разговорами время пролетело незаметно.

Таня вспомнила, что ей пора возвращаться домой – её ждёт бабушка. Они с Борисом договорились встретиться на следующее утро.

Так завязалось их приятное знакомство, которое постепенно переросло в глубокое чувство...

У Бориса намечалась очередная командировка. Таня сдерживала свои эмоции, но слёзы выдавали её состояние. У неё возникло дурное предчувствие – она боялась потерять то, что так дорого было её сердцу.

Борису тоже было беспокойно. Он прекрасно понимал, что оттуда, куда его направляют, обратной дороги может не быть. Он не рассказывал Тане про свою службу. Всегда подшучивал: «Не выпытывай! Считай, что это военная тайна.»

Война словно пыталась проверить их чувства на прочность. В то время «Афганистан» звучало в устах каждого...

* * *

Они не виделись почти полвека – немудрено, что она его не узнала.

Постояв на мосту, Татьяна Ивановна оперлась о трость и утиной походкой направилась к скамье, что стояла поодаль.

Борис Васильевич давно изучил её маршрут. Каждое утро она шла по аллее парка, потом поднималась на мост, отдыхала на скамье, что стояла под раскидистым дубом, и возвращалась обратно. Изредка, по пути она заходила в булочную.

Он, как и тогда, наблюдал за ней издалека. Как же ему подойти к ней, чтобы не напугать? Как сообщить, что он жив? Что её Борис жив и стоит перед ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.